

Денис Васильевич Давыдов

Гусарская исповедь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д33

Д33 **Денис Васильевич Давыдов**
Гусарская исповедь / Денис Васильевич Давыдов – М.: Книга по Требованию,
2012. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-3007-6

Стихотворения знаменитого Дениса Давыдова отражают все аспекты его яркой личности: боевые подвиги, дружбу, любовь и широту русской души. Стихотворный талант и неподражаемый стиль великолепного гусара высоко ценили современники; его стихи не только интереснейший памятник блестящей эпохи, но и произведение искусства.

ISBN 978-5-4241-3007-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Давыдов Денис Васильевич
Гусарская исповедь

Денис Васильевич Давыдов

Гусарская исповедь

СОН

– Кто столько мог тебя, мой друг, развеселить?
От смеха ты почти не можешь говорить.
Какие радости твой разум восхищают,
Иль деньгами тебя без векселя ссужают?
Иль талия тебе счастливая пришла
И двойка трантель-ва на выдержку взяла?
Что сделалось с тобой, что ты не отвечаешь?
– Ай! дай мне отдохнуть, ты ничего не знаешь!
Я, право, вне себя, я чуть с ума не шел:
Я нонче Петербург совсем другим нашел!
Я думал, что весь свет совсем переменялся:
Вообрази – с долгом Н<арышки>н расплатился;
Не видно более педантов, дураков,
И даже поумнел З<агряжск>ой, С<вистун>ов!
В несчастных рифмачах старинной нет отваги,
И милый наш Марин не пачкает бумаги,
А, в службу углубясь, трудится головой:
Как, заводивши взвод, вовремя крикнуть: стой!
Но больше я чему с восторгом удивлялся:
Ко<пь>ев, который так Ликургом притворялся,
Для счастья нашего законы нам писал,
Вдруг, к счастью нашему, писать их перестал.
Во всем счастливая явилась перемена,
Исчезло воровство, грабительство, измена,
Не видно более ни жалоб, ни обид,
Ну, словом, город взял совсем противный вид.
Природа красоту дала в удел уроду,
И сам Л<ава>ль престал коситься на природу,
Б<агратио>на нос вершком короче стал,
И Д<иб>ич красотой людей перепугал,
Да я, который сам, с начала свою века,
Носил с натяжкой название человека,
Гляжуся, радуюсь, себя не узнаю:
Откуда красота, откуда рост – смотрю;
Что слово – то *bon mot** что взор – то страсть вселяю,
Дивлюся – как менять интриги успеваю!
Как вдруг, о гнев небес! вдруг рок меня сразил:
Среди блаженных дней Андриюшка разбудил,
И все, что видел я, чем столько веселился
Все видел я во сне, всего со сном лишился.

1803

* острое словцо (фр.).

ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно

По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
"За что мы у тебя под властью такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться;
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных невольников, моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свете, о людях, о моде,
О тихой иль дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами,
И, словом, бедными Ногами
Как шашками вертишь".
"Молчите, дерзкие, — им Голова сказала,
Иль силою я вас заставлю замолчать!..
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?"
"Все это хорошо, пусть ты б повелевала,
По крайней мере, нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да, между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись — как же быть,
Твое Величество об камень расшибить".
Смысл этой басни всякий знает..
Но должно — тс! — молчать: дурак — кто все болтает.

1803

РЕКА И ЗЕРКАЛО

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, — деспот
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.
Но сей успел добиться
Пред грозного царя предстать
Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
Но, если правды не боится,
То чтобы басню рассказать.
Царь жаждет слов его; философ не страшится
И твердым гласом говорит:
"Ребенок некогда сердился,

Увидев в зеркале свой безобразный вид;
Ну в зеркало стучать, и в сердце веселился,
Что может зеркало разбить.
Наутро же, гуляя в поле,
Свой гнусный вид в реке увидел он опять.
Как реку истребить? – Нельзя, и поневоле
Он должен был и стыд и срам питать.
Монарх, стыдись! Ужели это сходство
Прилично для тебя?..
Я – зеркало: разбей меня,
Река – твоё потомство:
Ты в ней найдешь еще себя".
Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь и волю дать...
Постойте, виноват! – велел в Сибирь сослать,
А то бы эта быль на басню походила.

1803

БУРЦОВУ

В дымном поле, на биваке
У пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасителя людей.
Собирайся вкруговую,
Православный весь причет!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей,
Как пивали предки наши
Среди копий и мечей.
Бурцев, ты – гусар гусаров!
Ты на ухарском коне
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!
Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастье оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,

Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Черно-бурый, в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет, яко прах!
Пусть фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И "Георгия" за совет!
Пусть... Но чу! гулять не время!
К коням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон – и в сечу!
Вот Пир иной нам Бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Ну-тка, кивер набекрень,
И – ура! Счастливый день!

1804

БУРЦОВУ

Призывание на пунш
Бурцев, ера*, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради Бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава Богу,
Не великий господин.
Он – гусар и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.
Нет курильниц, может статься,
Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменятся
Ташкой** с царским вензелем!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:

Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса.
А наместо ваз прекрасных,
Беломраморных, больших,
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар.
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.
1804

* беспутный человек. — Прим. ред. ** Ташка — у гусар свободно висящий
кожаный декоративный карман. — Прим. ред.

ГУСАРСКИЙ ПИР
Ради Бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих;
Чтобы стены от ура
И тряслись и трепетали!..
Лучше б в поле закричали...
Но другие горло драли:
"И до нас придет пора!"
Бурцев, брат, что за раздолье!
Пунш жестокий!.. Хор гремит!
Бурцев, пью твое здоровье:
Будь, гусар, век пьян и сыт!
Понтируй, как понтируешь,
Фланкируй, как фланкируешь;
В мирных днях не унывай
И в боях качай-валяй!
Жизнь летит: не осрамися,
Не проспи ее полет,
Пей, люби да веселися!
Вот мой дружеский совет.
1804

ОРЛИЦА, ТУРУХТАН И ТЕТЕРЕВ

Орлица
Царица
Над стадом птиц была,
Любила истину, щедроты изливала,
Неправду, клевету с престола презирала.
За то премудрую из птиц она слыла,

За то ее любили,
Покой ее хранили.
Но наконец она Всемощною Рукой,
По правилам природы,
Прожив назначенные годы,
Взята была судьбой,
А попросту сказать – Орлица жизнь скончала;
Тоску и горести на птичий род нагнала;
И все в отчаянье горчайши слезы льют,
Унылым тоном
И со стоном
Хвалы покойнице поют.
Что сердцу горестно, легко ли то забыть?
Слеза – души отрада
И доброй памяти награда.
Но – как ни горестно – ее не возвратить...
Пернаты рассуждают
И так друг друга уверяют,
Что без царя нельзя никак на свете жить
И что царю у них, конечно, должно быть!
И тотчас меж собой совет они собрали
И стали толковать,
Кого в цари избрать?
И наконец избрали...
Великий Боже!
Кого же?
Турухтана!
Хоть знали многие, что нрав его крутой,
Что будет царь лихой,
Что сущего тирана
Не надо избирать,
Но должно было потакать
И тысячу похвал везде ему трубили:
Иной разумным звал, другие находили,
Что будет он отец отечества всего,
Иные клали всю надежду на него,
Иные до небес ту птицу возносили,
И злого петуха в корону нарядили.
А он
Лишь шаг на трон,
То хищной тварью всей себя и окружил:
Сычей, сорок, ворон – в павлины нарядил,
И с сею сволочью он тем лишь забавлялся,
Что доброй дичью всей без милости ругался:
Кого велит до смерти заклевать,
Кого в леса дальнейшие сослать,
Кого велит терзать сорокопугу

И всякую минуту
Несчастья каждый ждал,
Томился птичий род, стонал...
В ужасном страхе все, а делать что – не знают!
"Виновны сами мы, – пернаты рассуждают,
И, зная, карает нас вселенная Творец
За наши каверзы тираном сим вконец
Или за то, что мы в цари избрали птицу
Кровопийцу!..."
И в горести они летят толпой к леску
Размыкать там свою смертельную тоску.
Не гимны, Турухтан, тебе дичина свишет,
Возмездия делам твоим тиранским ищет.
Когда народ стенет, всяк час беда, напасть,
Пернаты, зная, злодейств терпеть не станут боле!
Им нужен добрый царь, – ты ж гнусен на престоле!
Коль необуздан ты – твоя несносна власть!
И птичий весь совет решился,
Чтоб жизни Турухтан и царствия лишился.
К такому приступить гораздо делу трудно!
Однако как же быть?
Казалось многим то безумно,
Но чем иным переменить?..
Ужасно действие и пропасть в нем греха!
Да, как ни есть,
Свершили мсть
Убили петуха!
Не стало Турухтана,
Избавились тирана!
В восторге, в радости, все птицы вне себя,
Злодея истребя,
Друг друга лобызают
И так болтают:
"Теперь в спокойствии и неге заживем,
Как птицу смирную на царство изберем!"
И в той сумятице на трон всяк предлагает:
Кто гуся, кто сову, кто курицу желает,
И в выборе царя у птиц различный толк.
О рок!
Проникнуть можно ли судеб твоих причину?
Караешь явно ты пернатую дичину!
И вдруг сомкнулись все, во всех местах запели,
И все согласно захотели,
Чтоб Тетерев был царь.
Хоть он глухая тварь,
Хоть он разиня бестолковый,
Хоть всякому стрелку подарок он готовый,

Но все в надежде той,
Что Тетерев глухой
Пойдет стезей Орлицы...
Ошиблись бедны птицы!
Глухарь безумный их
Скупяга из скупых,
Не царствует – корпит над скопленной добычью
И управлять другим несчастной отдал дичью.
Не бьет он, не клюет,
Лишь крохи бережет.
Любимцы ж царство разоряют,
Невинность гнут в дугу, срамцов обогащают...
Их гнусной прихотью кто по миру пошел,
Иной лишен гнезда – у них коль не нашел.
Нет честности ни в чем, идет все на коварстве,
И сущий стал разврат во всем дичином царстве.
Ведь выбор без ума урок вам дал таков:
Не выбирать в цари ни злых, ни добрых петухов.

1804

МУДРОСТЬ

Анакреонтическая ода
Мы недавно от печали,
Лиза, я да Купидон,
По бокалу осушали
И просили Мудрость вон.
"Детушки, поберегитесь!
Говорила Мудрость нам.
Пить не должно; воздержитесь:
Этот сок опасен вам".
"Бабушка! – сказал плутишка.
Твой совет законом мне.
Я – послушливый мальчишка,
Но... вот капелька тебе,
Выпей!" – Бабушка напрасно
Отговаривалась пить.
Как откажешь? Бог прекрасной
Так искусен говорить.
Выпила и нам твердила
О воздержности в вине;
Еще выпив, попросила,
Что осталось на дне.
И старушка зашаталась,
Не нашедши больше слов;
Зашатавшись, спотыкалась,
Опираясь на Любовь.

1807

ДОГОВОРЫ